

3

Накануне того дня, когда Берт и его без пяти минут вторая жена Беверли должны были перебраться из Калифорнии в Виргинию, он приехал в пригород Торранс и сказал своей первой жене Терезе, чтоб подумала насчет переезда вместе с ними.

— Ну, то есть не прямо сейчас, разумеется, — поправился он. — Тебе же надо будет собрать вещи, продать дом. Это, конечно, дело хлопотное, но ты все же подумай, не вернуться ли тебе в Виргинию?

Когда-то муж казался Терезе самым красивым мужчиной на свете, тогда как на деле он напоминал одну из тех горгулий, которых рассадили по карнизам Нотр-Дама отпугивать нечистую силу. Вслух Тереза этого не сказала, но по тону Берта догадалась: все, что она подумала, ясно отразилось у нее на лице.

— Слушай, — сказал Берт, — ты ведь не хотела переезжать в Лос-Анджелес. И сделала это только ради меня, причем, позволь тебе напомнить, не преминула выпить из меня ведро крови. Сейчас-то тебе что здесь делать? Отвези девочек к своим родителям, устрой в школу, а потом как-нибудь я помогу тебе найти дом.

Тереза стояла посреди кухни, которая еще недавно была их общей кухней, и теребила пояс купального халата. Кэл учился уже во втором классе, Холли пошла в детский сад, но Джанетт и Элби еще сидели дома. Дети цеплялись за ноги Берта, вереща: «Па-апа!! Па-а-апа!!» — будто Берт был аттракционом в Диснейленде. Он слегка похлопывал их по головам, как ударник — по барабанам. Наигрывал на детских макушках какую-то мелодию.

— Зачем мне переезжать в Виргинию? — спросила Тереза. Она-то знала зачем, но хотела услышать это от него.

— Так будет лучше, — ответил Берт, стрельнув глазами вниз, туда, где под каждой его ладонью устроилась милая взъерошенная головенка.

— Детям лучше — чтобы оба родителя были рядом? Чтобы безотцовщиной не расти?

— Господи боже мой, Тереза! Ты же сама родом оттуда! Я ведь не предлагаю тебе перебраться на Гавайи! Все твоё семейство в Виргинии. Ты там будешь счастливей.

— Я очень тронута твоей заботой о моем счастье.

Берт вздохнул. Опять пустые разговоры. Тереза была мастерица вот так его изводить.

— Тереза, жизнь меняется. Все нормальные люди умеют к переменам приспосабливаться. Одна ты уперлась.

Тереза налила себе из перколятора чашку кофе. Предложила и Берту, но тот молча отмахнулся.

— А мужу Беверли ты не предложил с вами переехать, а? Чтобы он мог чаще видеть своих девочек? — От общих знакомых Тереза слыхала, что мистер Казинс и свежее-вот-вот-испеченная миссис Казинс уезжают в Виргинию из опасений, что предыдущий муж счастливой невесты попытается убить Берта. Обставит дело как несчастный случай, так что концов никто не найдет. Предыдущий муж был полицейским. А полицейские — не все, но кое-кто — мастера на такие штуки.

Беседа бывших супругов была непродолжительна и окончилась тем, что Берт демонстративно вспылал. Ничего особенного, он так делал всегда, — но этого для Терезы Казинс оказалось достаточно, чтобы остаток дней провести в Лос-Анджелесе.

Тереза устроилась в окружную прокуратуру секретаршей. Двоих младших отдала в детский сад, двоих старших записала в группу продленного дня. Место Терезе предложили бывшие коллеги мужа. Прокурорских немного мучила совесть оттого, что они все так долго покрывали роман Берта, — вот и решили сделать для брошенной жены доброе дело. Но очень скоро в прокуратуре заговорили, что не худо бы новой секретарше пойти на вечерние курсы и выучиться на помощника юриста. Эта

измученная, озлобленная, обиженная судьбой женщина была далеко не дура.

Берт Казинс на должности заместителя окружного прокурора зарабатывал мало, а потому должен был выплачивать очень скромные алименты. К доходам семьи он отношения формально не имел, а потому они и не учитывались. Берт подал прошение о том, чтобы дети все лето, с конца одного учебного года и до начала следующего, находились под его опекой, и ходатайство было удовлетворено. Тереза лезла вон из кожи, чтобы ему дали только две недели, но Берт был юрист, и друзья у него были юристы, а вдобавок водили дружбу с судьей, и родители снабдили его достаточной суммой, чтобы иск Терезы, если надо будет, пролежал в суде до скончания века.

Узнав, что лета с детьми она лишилась, Тереза хотела было закатить истерику, но вдруг поняла — да это же не развод, а каникулы на Карибах! Конечно же, она любила своих детей, но, если подумать, когда три месяца в году не надо никому лечить ангину, не надо разнимать бесконечные драки, никто не канючит над ухом, что хочет в балетный кружок, на который нет ни денег, ни времени, можно не объяснять на службе, почему опоздала, и не отпрашиваться пораньше, и не выкручиваться постоянно... словом, три месяца без детей, пусть даже она никогда не признается в этом вслух, — не так уж ужасно. А если представить, как она лежит субботним утром в постели и при этом Элби не скачет через нее туда-сюда, как горнолыжник через сугроб... неплохо, совсем неплохо! А если еще и представить,

как Элби скачет по новой жене Берта, а та наверняка спит в кремовой шелковой ночнушке с черными кружевами, которую и стирать-то нельзя, только в химчистку, — просто замечательно.

Пока дети были маленькие, отправлять их одних было невозможно, и приходилось что-то придумать. Однажды с ними летела мать Беверли, в другой раз — ее сестра. Бонни при Терезе терзалась, постоянно просила прощения и не смела глядеть в глаза. Бонни была замужем за священником и потому умела чувствовать себя виноватой во всем, в чем только можно. В третий раз в роли дуэньи выступила Уоллис, подруга Беверли, — громкоголосая и улыбчивая дама в ярко-зеленом хлопчатобумажном платье. Уоллис любила детей.

— Ну, ребяташки, — сказала она четверым маленьким Казинсам. — Мы с вами умнем весь арахис на борту.

Уоллис притворилась, будто и сама — ну, надо же, как совпало — летела в тот день в Виргинию, и разве не замечательно, что они оказались в одном самолете? И все у нее вышло так легко и ловко, что Тереза расплакалась не раньше, чем вернулась из аэропорта и вошла в опустевший дом.

На обратном пути сопровождающие были со стороны Терезы — сначала мать, потом — ее любимая кузина. Берт покупал билет всякому, кому хватало отваги провести шесть часов в самолете с его детьми.

Но в 1971 году было решено, что дети уже большие и могут летать одни, иными словами — что 12-летнему Кэлу и 10-летней Холли по силам справиться с Джанетт, которой в восемь лет ни до чего

не было дела, и с Элби, которому в его шесть дело было решительно до всего. В аэропорту Тереза передала им билеты, присланные Бертом, и посадила на самолет до Виргинии — причем без багажа, на что никогда бы не решилась, если бы вахту несла Бонни или Уоллис. Пусть-ка Берт покрутится, подумала она. И обеспечит детей всем необходимым, начиная с зубных щеток и пижам и далее по списку. Она передала Холли письмо для него. Всех четверых требовалось сводить к стоматологу — почистить зубы от камня, а Джанетт еще и нужно было поставить несколько пломб. Она послала Берту список детских прививок, галочками отметив те, что требовали повторной вакцинации. А то сколько можно с работы отпрашиваться, чтобы по врачам бегать! Эти доктора вечно опаздывают, иногда на полдня в клинике застрянешь. А миссис Казинс номер два на работу не ходит. Вот у нее времени хватит и по магазинам пройтись, и к зубному съездить. У Холли от уколов кружится голова. Элби укусил медсестру. Кэл отказался вылезать из машины. Она и тащила, и тянула, однако сын так растопырился в двери, что никакими силами извлечь его не удалось, и последнюю прививку они пропустили. И еще — она куда-то задевала «прививочный паспорт» Джанетт, а потому не может точно сказать, что ей кололи, а что нет. Все это она подробно изложила в письме бывшему мужу. Беверли Казинс, ты хотела моих детей? Получи и распишись.

Дети сидели по обе стороны прохода: мальчики — слева, девочки — справа, и каждому вручили

В аэропорту все радостно встречали родных и близких, и было таклюдно и так шумно, что Беверли не слышала собственных мыслей.

Они встали у багажного транспортера и принялись смотреть, как проплывают мимо чемоданы.

— Ну, как учебный год окончили? Отметки хорошие? — Беверли адресовала вопрос всем четверым, но взглянула на нее только Холли. У Холли были высшие баллы по всем предметам, за исключением литературы, по которой у нее был высший балл с плюсом. Беверли поинтересовалась, как погода в Лос-Анджелесе, покормили ли их в самолете и вообще — хорошо ли долетели. Холли отвечала обстоятельно:

— Рейс задержался на полчаса из-за пробки на взлетной полосе. Мы были двадцать шестые в очереди на рулежку, — доложила она, вздернув свой маленький подбородок, — но ветер, по счастью, был попутный, и пилот сумел нагнать в воздухе. — Пробор в ее волосах, заплетенных в две жидкие косички, был такой кривой, словно делали его спьяну и пальцем вместо гребня.

Мальчики разбрелись в разные стороны. Она успела заметить, как Кэл встал на движущемся транспортере и принялся крутиться вместе с чемоданами из Хьюстона. Правда, секунду спустя он уже соскочил оттуда, чтобы не попасться носильщику.

— Кэл! — позвала Беверли через толпу. Она не могла кричать на него на людях и на таком расстоянии, а потому просто сказала: — Приведи сюда брата.

Но Кэл оглянулся на нее с таким видом, будто услышал, как совершенно посторонняя женщина

что-то говорит кому-то, кого — надо же, какое совпадение! — тоже зовут Кэл. И отвернулся. Джанетт стояла рядом с Беверли, неотрывно глядя на ремешок своей сумочки. Интересно, этого ребенка вообще врачу показывали?

Наконец все чемоданы с челночного рейса авиакомпании TWA Лос-Анджелес — Даллас выползли на ленту транспортера и были расхвачаны пассажирами. Багажа больше не было. Толпа рассеялась, а Беверли увидела, как Элби отскребаёт с пола присохшую жвачку чем-то издали очень похожим на нож.

— Ну ладно, — сказала она, соображая, какие в это время дня будут пробки на обратном пути в Арлингтон. — Кажется, ваш багаж не прилетел. Ничего страшного. Нам только придется подойти к окошку и заняться кое-какой писаниной. Квитанции у вас остались? — обратилась она к Холли. Лучше переложить все на Холли — у девчонки, похоже, природный талант нравится людям. Так что вся надежда только на нее.

— Нет, квитанций у нас нету, — ответила Холли. Лицо у нее было бледное и все в веснушках, волосы темные и прямые. Вылитая Пеппи Длинный-чулок — взрослые таким девочкам умиляются, а сверстники над ними насмеваются.

— Но этого быть не может! Поищи — где-нибудь должны быть. Мама давала их тебе?

Холли начала сначала:

— Квитанций у нас нету, потому что нету багажа.

— То есть как — «нет багажа»?

— Ну, вот так. Нет — и все. — Холли просто не понимала, что тут может быть неясно.

— Вы что — забыли его в Лос-Анджелесе? Или потеряли? — Перед глазами у Беверли повисла какая-то пелена. Она смотрела на Кэла и не видела его. Видела только, что через каждые десять футов висят таблички, запрещающие садиться или вставать на ленту транспортера.

Она не заметила, что губы Холли задрожали. Холли сама считала, что лететь без вещей — глупость какая-то, но мать уверила ее, что так хочет их отец. Он купит им все новое — новую одежду, новые игрушки, новые сумки — носить домой добычу. Может, он просто забыл предупредить Беверли?

— Мы ничего с собой не взяли, — сказала Холли тихо.

Беверли не поверила своим ушам. А Берт, черт его дери, уверял, что она со всем этим в два счета справится.

— Что? — переспросила она.

Ужасно, что ее заставляют все повторять заново, непроситительно, что ее заставляют. Холли уже не могла сдерживать слезы, и по веснушкам побежали два ручейка.

— У. Нас. Нет. Никаких. Вещей.

Теперь она поссорится с отцом, а ведь она его еще не видела. А еще хуже, что отец страшно разозлится на мать. Отец называл ее воплощением безответственности, но ведь это неправда!

Беверли обшаривала глазами зону выдачи. Пассажиры и встречающие уже расходились, двое пасынков куда-то пропали, одна падчерица плакала, а другая была так поглощена созерцанием винилового

ремешка на своей сумке, что, право, трудно было не счесть ее слабоумной.

— Зачем тогда мы торчим здесь уже полчаса? — ровным голосом спросила Беверли. Она еще не разозлилась. Злиться она будет потом, когда осмыслит все это как следует. Сейчас же она была просто в замешательстве.

— Не знаю! — выкрикнула Холли, заливаясь слезами. Потом подолом футболки вытерла нос. — Я тут ни при чем. Это ты нас сюда привела. Я не говорила, что у нас есть багаж!

Джанетт расстегнула молнию своей сумочки, покопалась там, достала бумажный платок и протянула сестре.

С каждым годом вторая поездка Беверли в аэропорт становилась хуже — причем как раз оттого, что она всякий раз надеялась: ну, теперь-то будет лучше. Она оставляла четверых юных Казинсов дома (сперва под присмотром матери, потом — Бонни, потом — Уоллис, а в последнее время — под надзором Кэла. Ведь жили же они как-то в своем Торрансе, а Арлингтон безопасней) и мчалась в Даллас встречать своих девочек. Если дети Берта приезжали на Восток на целое лето, то Кэролайн и Франни проводили на Западе лишь две недели: одну — с Фиксом, другую — с его родителями, этого только и хватало, чтобы вспомнить, насколько же Калифорния была им милей Виргинии. Из самолета они выбирались словно на поздней стадии обезвоживания — потому что рыдали, не просыхая, весь полет. Беверли кидалась на колени, душила их в объятиях,